

П.К. ГРЕЧКО

ПОСТМОДЕРНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ

Аннотация: Работа посвящена выявлению и раскрытию отличительных особенностей постмодерного (доминантно постмодернистского) подхода к конструированию социальной реальности. Основные измерения или черты постмодернистского конструкционизма – симуляция и деконструкция. Симуляция – это производство, или конструирование, знаков-символов, не отягощенных заботой о своей референциальности. В исторической перспективе симулятивное – как искусно-искусственное – будет становиться все более естественным для человека. Деконструкция – это метод пролиферации (умножения и распространения) различий. Будучи деконструкционистским, постмодернистский конструкционизм имеет дело с различиями и их свободно-творческой комбинаторикой. Деконструкция помогает также развивать альтернативное конструирование. Постмодерный конструкционизм – одно из самых ярких выражений творческой природы человеческой свободы.

Abstract: The article attempts to identify the postmodern (dominantly postmodernist) approach to constructing the social reality. The main dimensions or features of the postmodernist constructionism are simulation and deconstruction. Simulation is a production, or construction of signs and symbols, unconcerned with their referentiality. In a historical perspective the simulative – as artfully-artificial – will become more and more natural for humans. Deconstruction is a method of proliferation (multiplication and diffusion) of differences. Being deconstructive, the postmodernist constructionism deals with differences and their free-creative combinations. Deconstruction also helps to develop an alternative construction. Postmodern constructionism is one of the most striking expressions of creative nature of human freedom.

Ключевые слова: конструкционизм, социальная реальность, Постмодерн, постмодернизм, оригинал, копия, кризис репрезентации, различия.

Keywords: constructionism, social reality, Postmodern, postmodernism, original/copy, crisis of representation, differences.

Гречко Петр Кондратьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: p.grechko@rudn.ru.

Вместо предисловия

Видимо, сразу же нужно объяснить несколько необычную терминологию. Во-первых, почему «конструкционизм», а не «конструктивизм», хотя последний встречается и используется чаще? Резонов для этого предпочтения несколько. Во-первых, мы не собираемся заниматься конструктивизмом как одним из главных направлений авангарда в живописи и архитектуре 1920-х гг. Предмет нашего анализа — определенно философский. Во-вторых, судя по литературе и распространенной исследовательской практике, конструктивизм идет больше в связке с эпистемологией, нас же будет интересовать, прежде всего, онтология (данной проблемы). Понятно, что эпистемологии без онтологии, той или иной, не бывает, но акценты кое-что всё же проясняют и меняют. В-третьих, в конструкционизме явно проступает «конструкция» — хорошо обозримая вещная реальность, тогда как в конструктивизме — «конструктивность», т.е. качество или свойство (более неопределенный предмет исследования). В-четвертых, и это продолжение «в-третьих», конструктивность («конструктивный») несет в себе позитивно заряженную ценность («плодотворность», «созидательность», «рациональность», «целесообразность»), которой реальным процессам конструирования часто недостает.

Далее. Почему постмодерный, а не постмодернистский? Аналогичное различие-объяснение: Постмодерн — онтопрактическая реальность, социально-историческая эпоха, в то время как постмодернизм — лишь ее теоретическое или идейное (идеологическое) выражение. Притом одно из многих — есть и другие. Достаточно сослаться здесь на так называемый *constructive postmodernism* — конструктивный или позитивный постмодернизм, развиваемый в основном в Китае — на основе особого авторского ряда: Ч.С. Пирс, У. Джеймс, А. Бергсон, А.Н. Уайтхед, Ч. Хартшорн¹. Другие постмодернизмы вполне легитимны, их мы приветствуем и понимаем, но будем выделять, отдавая предпочтение, всё же постмодернизму в его теперь уже традиционном понимании, включающем и деконструкцию — как *deconstructive postmodernism*. Другие, инокультурные, анти- и альтер-постмодернизмы составляют его естественную, хотя и диссонантную, среду, из которой многое тоже можно взять. Если постмодернизм (любой версии или формы) настаивает на условности, размытости всех границ, то почему бы не применить это и к его собственной идентификации.

¹ См.: *Founders of Constructive Postmodern Philosophy: Peirce, James, Bergson, Whitehead, and Hartshorne* / by David Ray Griffin et. al. N.Y.: State University of New York, 1993; Zhihe Wang. *Constructive Postmodernism Studies in China* // http://www.postmodernchina.org/cgi/show_item_article_content.php?item=forum&item_article_id=1&item_article_content_id=3 (02/03/2013).

Как реальность история чрезвычайно сложна, в ее палитре выделяются самые разные ресурсы-процессы: и стихийное, природоподобное развитие, и циклическое воспроизведение, и «хитрость разума», и то, что нас здесь больше всего интересует – конструирующее начало. В нашем марксистском прошлом мы говорили в данной связи о целесообразной деятельности людей. Но поскольку внимание тогда акцентировали на объективных законах и естественноисторическом характере исторической активности народных масс, то до собственно конструирования, т. е. выявления потенциала безусловной свободы и спонтанного творчества, исследование, как правило, не доходило. Но это не значит, что его там не было вовсе. Напротив, спектр конструирования, соответствующих форм и подходов был достаточно широким: от эволюционного родовспоможения, помогающего истории разрешиться от созревшего уже бремени, до нетерпеливого (и нетерпимого) революционного активизма («Весь мир насилья мы разрушим. До основанья, а затем. Мы наш, мы новый мир построим...»). Конструирование входило и входит в историю – на правах ее непрременной составляющей – всегда, во все эпохи: домодерную, модерную и постмодерную. Разумеется, в разной степени или мере, но это уже другой вопрос². Наблюдается и общая тенденция – к усилению и обогащению, к возрастанию искусности в этом по-человечески искусственном процессе. Сегодня уже можно констатировать, что возможности стихийного развития человечества исчерпаны или находятся на грани исчерпания, отсюда невиданная ранее востребованность свободы, разума, творчества – как раз того, что и составляет ядро конструкционизма.

В сущностной определенности постмодерного конструкционизма можно выделить ряд специфических свойств или черт. На первое место в этом ряду претендует, несомненно, антифундаментализм. В общефилософском (но постмодернистском) плане это вообще «разжижение» реальности, переход от «солидных» вещей и структур к некоей безобъектной динамике, потоку сил, к тому, что З. Бауман назвал *the melting of solids*. В плане же конструкционном это отсутствие прямого доступа к реальности и, как следствие, –

² Кроме степени или меры, здесь выделяются также парадигмально устойчивые способы. Так, Н. Гудмен намечает пять способов или путей конструирования (worldmaking) мира: композиция или декомпозиция, взвешивание (рейтингование релевантности, значимости, полезности или ценности тех или иных элементов, свойств), упорядочивание (перегруппировка элементов, дающая в итоге новую системность), удаление и дополнение, деформация (мир обновляется посредством переоформления, редуцирования или разработки каких-то новых его элементов) (Goodman N. *Ways of Worldmaking* – <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/goodman/01.html> (14/03/2013) (Гудмен Н. Способы создания миров. – М., 2001).

твердой или гарантированной опоры в соответствующих начинаниях человека, вера в то, что истина не находится, а делается, что нам открыт — для понимания и работы — лишь мир рукотворного и благоприобретенного. Иначе говоря, делается, конструируется вся реальность, объективная (объект) и субъективная (субъект), совершается, причем с исторической необходимостью, переход от пред- к само-определенности.

Антитрансцендентализм — еще одна специфическая черта постмодерного конструкционизма. В ее перспективе сознательно отсекается уходящая за пределы возможного опыта (разумеется, подвижного и постоянно нарабатываемого) реальность. Причем сразу с двух сторон: снизу — в виде каких-то субстанциальных, опять же фундаменталистски упёртых сущностей, и сверху — как объективный или субъективный (Бог, например) *telos*. В сухом реальностном остатке числятся или наблюдаются лишь повседневные события, явления, факты, данности актуального существования людей. Значимым и в этом смысле сущностным оказывается здесь лишь насущное настоящее.

Заметна в рассматриваемом ряду и децентрированность — свойство, в соответствии с которым вся реальность квалифицируется как «горизонтальная», никакого структурирующего ее в вертикаль уровня нет. Соответственно, нет ни у кого и привилегированной позиции — сплошной эгалитаризм. Важно только заметить: не унифицированный, а плюралистический. Противясь вертикали, плюралистическая горизонталь ведет тем самым борьбу с властью, властностью, от которой вертикаль, по сути, неотделима. На полную победу рассчитывать не приходится, но до какой-то приемлемой степени присутствие и действие власти довести здесь все-таки можно.

Выразительной чертой постмодерного конструкционизма является также фрагментарность. За ней стоит внимание к нюансам и деталям, к рассредоточенному и множественному, ситуационному и локальному — в противоположность общему и тотальному. Фрагментарность — это антихолизм, недоверие к целому, «восстание» частей против целого, мера автономии частей в рамках целого. Постмодерное целое настолько мягкое и динамичное, что может включать в свой состав не только родственные, но и противоположные ему части или фрагменты. Мы привыкли считать, что целое больше составляющих его частей. Но постмодерное целое устроено иначе, оно может быть даже меньше своих частей³.

³ Мы опираемся здесь на блестящую разработку этой идеи (на основе цифровых баз данных — без специальной артикуляции постмодерных координат) в работе: Latour B. et al. The Whole is Always Smaller Than Its Parts. *A Digital Test of Gabriel Tarde's Monads* // <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/123-WHOLE-PART-FINAL.pdf> (30/11/2012).

Пожалуй, на этом перечень специфических свойств постмодерного конструкционизма можно и остановить. Он достаточно подготовил нас к восприятию и непредвзятому анализу двух самых репрезентативных, прямо-таки эмблематичных измерений конструкционизма в его постмодернистской версии – симуляции и деконструкции.

Конструкционный потенциал постмодернистской симуляции

Имитация, притворство, создание видимости, ложное изображение – таковы привычные значения слова и термина «симуляция». То же значение и у «симулякра» – структурной единицы, строительного материала, результата процесса «симуляции»: подделка, кажимость, изображение без оригинала, означающее без означаемого. У Платона, к которому терминологически и восходит проблема симуляции, симулякр означал нисходящую деградацию двойного искажения: вещи относительно ее истинного бытия, т.е. Идеи, и образа вещи (с которым, например, имеет дело художник или поэт) относительно самой этой вещи, вернее, псевдовещи, если иметь в виду уже состоявшееся, первое, искажение, – короче, это «копия копии», «тень тени». Предполагалось, следовательно, что есть некий изначальный, онтологически истинный оригинал и что он нам так или иначе – через разумное усмотрение, интуитивное видение, спекулятивное созерцание – доступен.

Как показывает история западной культуры, в роли таких оригиналов последовательно выступали: сначала Космос с населявшими его богами (платоновский мир Идей – философски переодетая версия этой традиции); потом Бог христианской религии, относительно которого весь материальный мир оказывался тварным; наконец, уже в Новое время, «истинный свет» трансцендентально вознесенного Разума. Отдельный человек, индивид всегда считался ограниченным в своих делах и мыслях и потому способным лишь симулировать бытийную полноту оригинала. Ситуацию смягчали, но не спасали, опять же последовательно сменявшие друг друга рассуждения относительно того, что человек – это микрокосм, воплощающий в себе макрокосм, что он – образ и подобие Бога, что индивидуальному *cogito* открыты горизонты трансцендентального и потому универсального субъекта. Очевидно, что микрокосм мог бы быть равным макрокосму, только если бы он был преформистски-демиургическим. Но такой способности и силы у микрокосма в большом космоцентричном мире не было.

Очевидно также, что образ и подобие Бога в теоцентричном мире с очевидностью искажались тварностью. «Бог, – пишет в данной связи Ж. Делёз, – сотворил человека по образу и подобию. Однако же в результате грехопа-

дения человек утрачивает подобие, сохраняя при этом образ. Мы становимся симулякром»⁴. Что касается разумоцентричного мира, то трансценденция в нем оставалась вещью в себе или явно, как достояние веры, противопоставлялась разуму. С переходом к Современности (Постмодерну) все «рассказы» о больших и подлинных Оригиналах были поставлены под вопрос; чем дальше, тем больше, недоверие к ним становилось (становится) разъедающим, деструктивным. Что пришло всему этому на смену, мы и постараемся в дальнейшем показать.

Вначале немного метафизики. Бытие как существование, а это атрибут всех атрибутов, разве не нейтрально оно по отношению к любым смысловым оценкам — к подлинности, истинности, неистинности, добру, злу и т.п.? Существование лжи не менее онтологически устойчиво, нежели существование истины. Более того, ложь иногда очень продуктивна, и не только в прагматическом плане. Ложной, заметим, может быть не только теория, но и практика. Ложная практика привычно называется у нас отчужденной или социально превращенной. Сказанное подталкивает нас к мысли, что симуляция, симулякр — результат нормотворчески-оценочной активности человека, а не элемент сугубо объективного положения вещей. По-другому эту активность можно назвать интенционально-должной. Возьмем, например, такое моральное качество человека, как честь. В природе ее, что понятно, нет. Честь наличествует, живет, существует благодаря intersубъективным, т.е. солидарно разделяемым, убеждениям людей, что она есть или непременно должна быть.

В перспективе «вещно» понимаемой онтологии это, конечно, кажимость. Что не должно нас смущать. Все истинно человеческие в человеке таково. Кажимость — вполне легитимная форма бытия. Никакой вторичности, побочности или банальной иллюзорности в ней нет. Это, несомненно, базовая определенность продолжающегося существования человека в мире. Бытийно конституируясь, симулятивная кажимость должна соответствовать (иначе на ее месте было бы не нечто, а ничто) неким реальным пропорциям, отношениям и свойствам. Косвенным образом она утверждает также подлинность, от которой ей приходится отталкиваться, пусть и отрицательным образом, в своей идентификации — субъектно-теоретической (в форме дефиниции) и объектно-практической (в форме зримо демонстрируемого отсутствия сходства).

Несколько снизив уровень абстракции, выскажем, точнее — повторим, теперь уже тривиальную мысль о том, что человеческое бытие представляет собой смыслозначенную, или знаково-символическую, реаль-

⁴ Делез Ж. Платон и симулякр // *Интенциональность и текстуальность*. — Томск, 1998. — С. 231.

ность. Его дальнейший анализ поэтому резонно продолжить в терминах знаковой референциальности. В классической (новоевропейской) культуре под знаком понимали предмет (свойство, отношение), выступающее в качестве представителя другого предмета (свойства, отношения). Акцентировалось при этом замещение, указание на другое, предполагаемое, но невидимое, не актуализированное в данной конкретной ситуации, т.е. постулировалось отсутствие присутствия — чего-то настоящего, оригинального, произвольного.

Иными словами, знак (не тело знака) был условной, воображаемой реальностью, тогда как то, что им исходно означалось (обозначалось), — реальностью подлинной, истинной, действительной. Выходит, знак всегда симулировал, но до поры до времени, прикрываясь репрезентацией (отображением: «представлением одного в другом и посредством другого»), с успехом выполнял диссимилирующую функцию. В этом плане постмодерная (постмодернистская) симуляция есть реакция на кризис репрезентации, попытка удержать прежнюю реальность в новых, радикально изменившихся условиях. Ясно, что репрезентация, о которой идет здесь речь, есть не только эпистемологическая, но и онтологическая реальность. Скажем, депутатское представительство интересов избирателей — это тоже репрезентация. И всем понятно, что она сегодня в глубочайшем кризисе. Народные избранники (не все, разумеется) данные интересы либо не могут уловить, понять, выразить, либо, все-таки справившись с этой задачей, но руководствуясь своим эгоизмом, стараются от них так или иначе дистанцироваться, уклониться.

Репрезентативное представление, закончившееся кризисом репрезентации, последовательно прошло, по Ж. Бодрийяру, следующие фазы:

- «оно отражает глубинную реальность»;
- оно маскирует и денатурирует глубинную реальность»;
- оно маскирует *отсутствие* глубинной реальности»;
- оно вообще не соотносится с какой бы то ни было реальностью: оно есть чистый симулякр»⁵.

Обобщенная картина симулятивной исторической логики развития западного человечества представлена Бодрийяром же в виде схемы «трех порядков»: подделка (от Возрождения до промышленной революции) — производство (промышленная эпоха) — симуляция (эпоха, регулируемая кодом — структурной игрой смыслами). «Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка — на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего по-

⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. — Минск, 1996. — С. 35.

рядка — на основе структурного закона ценности»⁶. Симулякры первого и второго порядков еще сохраняют связь, связь подобия, с вещами; что до симулякров третьего порядка, то они утрачивают всякое подобие с миром вещей. В дальнейшем Бодрийяр выделяет еще одну, четвертую, стадию в развитии симулякров — фрактальную (вирусную или иррадиантную). На этой стадии «стоимость распространяется во всех направлениях, заполняет все промежутки, не имея референции к чему бы то ни было, за исключением простой континуальности...[это] род стоимостной эпидемии, общий метастазис стоимости, род пролиферации и проблематичного рассеивания»⁷.

Вместе с кризисом репрезентации семанτικο-онтологическая эволюция знака, как показывает Ж. Бодрийяр в «Симулякрах и симуляции» (Париж, 1981), пошла по линии смещения акцента с отсутствия или неприсутствия на присутствие (реальности, которая вообще может быть), приведшей в конечном итоге к полному отрыву знака от того, что он по идее должен обозначать. Иными словами, в знаках-симулякрах невозможно обнаружить следы знакомства с исходной, базовой реальностью, *terra firma*. Они теперь — подобия самих себя, единственная, вся реальность. Потеряв в устойчивости, т.е. в привязке к предметной субстанции, образы-симулякры выигрывают зато в свободе, свободе перемещения по информационному пространству и ничем не ограниченного, практически бесконечного функционирования-комбинирования. Референциальность тем самым сменяется структурностью с ее «комбинаторной свободой». Симулякр — это образ, т.е. нечто воображаемое, а не вещь, т.е. нечто располагаемое.

Связь с «внешней реальностью» утеряна, а содержанием образы-симулякры наполняются через взаимодействие с другими образами. Симулякры ни под что не подделываются и не подстраиваются — они просто делаются, надстраиваются. В полном смысле этого слова симулякры начинаются там, где заканчивается связь с означаемым и знаки вступают в автономное существование — ситуацию полной независимости от подобия (единства с оригиналом). Если и сохраняется здесь что-то от подобия, то оно всецело внешнее, наружное. Тут наблюдается даже своеобразная зависимость: чем иллюзорнее (меньше) реальность внутри, тем правдоподобнее (больше) она снаружи.

Симулякры гиперреальны. Гиперреальность — это мир, в котором превалируют или доминируют симулякры как самодостаточные и безре-

⁶ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М., 2000. — С. 113.

⁷ Цит. по: Best S. & Kellner D. *Postmodern Theory: Critical Interrogations*. — N.Y.: The Guilford Press, 1991, p. 136.

ференциальные знаки, — знаки, не являющиеся теперь уже отражением-представлением некой внешней реальности, не отсылающие больше к предмету. «Гипер» — потому что реальность симулякра самодостаточна в смысле самореференциальна, никакой другой (за ней) реальности уже нет. Здесь явная онтологическая перекличка с различиями, но симулякры и есть различия — по «внутренней жизни» и по логике взаимодействия друг с другом. Различение (игра различий) заменяет в данном случае идентификацию, т.е. то содержательное ядро, которое всегда было у реальности на современной стадии ее развития. Однако главное в «гипер» не онтологическая предельность, а то, что симулякрам как копиям не нужно делить (и тем умалять) реальность с оригиналом, разрываться между подражанием и «моделью» (образцом), между копией и оригиналом, поскольку последнего просто не существует.

Симулякр — копия отсутствующего оригинала. В парадигме модерна основную «массу» реальности оттягивал на себя как раз оригинал. В своей симулятивной насыщенности копия обретает черты чего-то вполне натурального. «Реальное, — пишет в данной связи Бодрийяр, — производится, начиная с миниатюрнейших клеточек, матриц и запоминающих устройств, с моделей управления — и может быть воспроизведено несметное количество раз. Оно не обязано больше быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется некоей идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально. Фактически, это уже больше и не реальное, поскольку его не обволакивает никакое воображаемое. Это гиперреальное, синтетический продукт, излучаемый комбинаторными моделями в безвоздушное гиперпространство»⁸.

Гиперреальность — это победа функциональности над субстанциальностью. В отличие от субстанциальности, прорывающейся аффектами, функциональность создается эффектами. Функционализм есть одновременно и антифундаментализм. «Глубочайшее — это кожа...», — заметил как-то П. Валери. В плане методологии гиперреальность есть «искусство поверхностей» (Ж. Делез), искусство складок и изгибов. В процессуально-историческом плане гиперреальность обнаруживает то, что Бодрийяр назвал «прецессией симулякров» — темпоральным предшествованием подобий собственным же образцам. Прецессия симулякров как опережение следствиями причин наблюдается, например, в ситуации кредита: деньги еще не заработаны, а плодами их трат уже пользуются. Подобное переворачивание (возможности и действительности) фиксируется также в случае страхования: реальное страховое событие еще не наступило, но

⁸ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // *Философия эпохи постмодерна*. — Минск, 1996. — С. 34.

мы его уже оплатили. Гиперреальность демонстрирует нам рост не в корень, а в куст. Это и не рост даже, а разрастание — возведение (восхождение) симулякра «во все более высокую степень», надстраивание друг над другом подобий: на язык — метаязык, на метаязык — еще что-то, более искусственное и недетерминированное.

Пора, видимо, прервать наше линейно-однозначное представление симуляции, прервать и задуматься: так ли уж все плохо в постмодерной (постмодернистской) симуляции? Не занимаемся ли мы сами, опираясь на однозначно же понятого Бодрийера, ее отрицательным симулированием? А может, симуляция несет с собой и какой-то положительный смысл?

Нельзя не видеть того, что постмодерная симуляция отличается, и существенно, от симуляции модерной и домодерной (традиционной). Последняя действительно сводилась к искажению, имитации, притворству и обману. В постмодерной симуляции всего этого тоже много, но появляется и нечто дополнительное, по-своему эвристичное. Копия, оказывается, не всегда хуже, «бледнее» оригинала — разумеется, в функциональном, а не субстанциальном смысле. До оригинала часто вообще не добраться. Особенно если копия снимается с копии или идет серийное, практически бесконечное тиражирование. Нередко и на оригинал мы смотрим сквозь очки копии. В этом нам усердно помогают различные имиджмейкеры, пиар-технологи, специалисты по шоу-бизнесу и т.д. Тот же Бодрийер пишет о технологическом совершенстве симуляции, о том, в частности, что музыка, которую мы в настоящее время знаем, будет исчезать по мере роста стереофонического совершенства⁹. Искусственное в этом смысле становится все более искусным. Уже сегодня на своих передовых технологических рубежах оно high (высокое), fine (тонкое) и smart (умное). А что же будет завтра?! Похоже, мы идем к симулятивному перфекционизму.

Симуляция — это не манипуляция. В последней всегда есть некая твердая точка отсчета, некая «подлинная» реальность, относительно которой человека и вводят в заблуждение — ориентационное и поведенческое. В случае постмодерной симуляции никакого отнесения к подлинности нет и быть не может. Симуляция создает особую, самостоятельную, новую — конструктивно-игровую реальность, располагающуюся вне релевантного отношения к дихотомии подлинного/неподлинного. Тут фиксируется прямая противоположность платоновской диалектике Идей и вещей. В симулятивных координатах не вещи — бледные копии Идей, а как раз на-

⁹ См.: Best S. & Kellner D. Op. cit., p. 134.

оборот: Идеи – бледные, симулятивные (в традиционном смысле этого слова) копии вещей.

Главное и по-настоящему провокативное, что открыл постмодернизм в проблеме симуляции, симулякров, сводится к тому, что никакой естественной в смысле подлинной или образцовой реальности вообще не существует. А значит, нет, не может быть и (ее) искажения. Симулякр – не подделка, а если и подделка, то только на первом, быстро преодолеваемом этапе. По-своему выразителен на это счет Ж. Бодрийяр: «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр есть истина»¹⁰. Истина теперь в том, что человек живет в знаково-символической среде, в окружении образов и подобий, в мире «подлинных» имитаций. Современные информационные технологии эти имитации легко окаймляют, интенсифицируют, уплотняют, превращая в особую – виртуальную реальность. Онтологически эта последняя гораздо реальнее, чем просто возможность, «возможностная» реальность. Постмодернистская симуляция есть попытка доказать, что не только все возможно, но и что все осуществимо. Симулякр, по Бодрийяру, есть «*материальный вымысел образа*». Симуляция представляет собой своеобразную коннотативную коммуникацию, в которой оригинал-референт заменяется неким общим (интерсубъективным) кодом, генерируемым в процессе самой этой коммуникации. В собственно конструкционистском плане симуляция позволяет с успехом сочетать естественное и искусственное, смягчая и облегчая интенсивное движение в обоих направлениях.

На продуцирование знаков-символов ориентированы сегодня все виды и формы человеческой деятельности. Игра, равно как и труд. Прибыльным и перспективным становится производство знаков, а не товаров и услуг. Иначе говоря, товары и услуги в наши дни плотно обволакиваются (затягиваются) воображаемым. Покупая, к примеру, мыло, шампунь и прочую косметику, мы оплачиваем не только собственно товар, ту же пенящуюся жидкость, но весь шлейф, который он за собой якобы тянет: хорошее настроение, современный вид, уверенность в себе, неотразимость и т.д. Психологически эта атмосфера очень убедительна, может быть, даже более убедительна, чем сам исходный товар. Понятие потребительной стоимости тем самым расширяется. У товара появляется чисто функциональные зависимости и связи, своя атмосфера или среда, он становится более весомым, привлекательным и «самоуверенным». Похоже, покупателям это мешанина объективного с субъективным, матери-

¹⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000. – С. 8.

ального с духовным нравится. В ней они действительно чувствуют себя более уверенно и комфортно.

Симулятивная гиперреальность постмодерна представляет собой некое рассредоточенное множество. Каждый симулякр фрагментарен, частичен, живет сам по себе и ни к какой упорядоченности, или структуре, не приписан. Это – поток (потоки) сингулярностей, детерриториализованная клип-культура, в которой нет и не может быть общей «картины мира». Каждый человек волен собирать, как из кубиков, свою и по-своему в ней устраиваться. При этом степень принудительности (всеобщности) в социальном или социального приближается к нулю.

Зададимся, как выводом, вопросом: что дает симуляция (симулякры, симулятивность) для постмодерного конструкционизма. Во-первых, экспериментировать (конструировать) теперь можно не только с денотативным, субстанциально-вещным, но и с коннотативным, коммуникативно-интерсубъективным материалом. Желательно – на микроуровне, но нет никаких противопоказаний к вовлечению в этот процесс мезо- и даже макроуровня. Во-вторых, симулятивное конструирование настолько свободно и перспективно (черпает вдохновение из будущего), что может выработать, поставлять практопии (термин Э. Тоффлера) – практически реализуемые утопии. Технологии ныне настолько развиты и совершенны, что могут легко сочетаться с искусством. Убедительнейшая манифестация этого сочетания – Apple-творчество Стива Джобса. Еще недавно мы только пели «... и на Марсе будут яблони расти...», а сегодня уже всерьез планируется (правда, не нами, а европейцами и американцами) основать колонию землян на Красной планете. В-третьих, можно предположить, что по мере насыщения мира социального продуктами симулятивного конструирования и роста их функциональной эффективности, он, мир этот, будет становиться все более естественным для человека.

Деконструкция и постмодерный конструкционизм

Несколько слов о восприятии деконструкции как таковой. Для нас, исторически не разобравшихся еще с рационально выстроенными конструкциями, деконструкция кажется чем-то не родным, более того – разрушительным. Отсюда и реакция – довольно сдержанная, чтобы не сказать негативная. Впрочем, не у всех. Есть сегодня уже и те, кто в целом приветствует появление этого метода в нашем интеллектуальном пространстве. А куда деваться? Время понимающего его ведет, непонимающего – тащит. Вот что пишет, например, А.И. Дугин – стопроцентно «наш» мыслитель: «Деконструкция предполагает колоссальную работу мысли, которая отличает профессионального лингвиста, филолога, культуроло-

га, философа, а я бы добавил, адекватного философа от дилетанта. Тот, кто способен осуществить деконструкцию, есть истинный специалист — в философии или в филологии»¹¹. И еще: «...Философ, лингвист, шире, интеллектуал, “гуманитарий”, не владеющий корректными процедурами деконструкции, — это недоразумение, а не специалист»¹².

В самом широком — культурно-историческом, плане деконструкция есть метод пролиферации (умножения и распространения) различий. Различий как последней или предельной реальности, за которой уже ничего нет. Мысль эта не такая уж и радикальная — она просматривается уже в привычном или традиционном логическом рассуждении: любой предмет в его единстве доступен нам лишь в той мере, в какой он «не-другой», т.е. отличен от всех остальных. В противном случае мы бы его не увидели, не различили. В этой связи интересно обратить внимание на семантику русского «различать»: это не только «устанавливать различие между...», но и просто «распознавать (зрением)».

На пути деконструкционистских усилий человека всегда стоял и стоит поныне логоцентризм — линейный детерминизм, которому подчинена вся европейская современная культура. Основная функция такого детерминизма состоит в вытеснении из пространства мышления (и действия, конечно) всего нерационального, т.е. спонтанного, ассоциативного, неоднозначного, гетерогенного. Впрочем, если под логосом понимать сказанное слово, устный язык, некий «мысле-звук», как у Ж. Деррида, то логоцентризм представляет собой веру в прямую фонетическую, «живо-речевую» доступность (наличие, присутствие) означаемого (понятия, смысла, может даже, самого предмета) в означающем (слове устном, выдыхаемом вместе с душой).

В онтологическом плане логоцентризм строится на доверии к бытию, на познавательной открытости последнего познавательным усилиям человека. Не в пример логоцентризму и модернизму в целом, постмодернизм утверждает прямо противоположное: «мир — это не сообщник нашего познания, и не существует никакого пре-дискурсивного провидения, которое делало бы его благосклонным к нам»¹³. По меньшей мере мир этот равнодушен или нейтрален по отношению к человеку и его субъектным притязаниям — на онтологическую «упругость» своего существования, на внесение (конструирование) смысла в вещные структуры бытия.

¹¹ Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. — М., 2009. — С. 87.

¹² Там же.

¹³ Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. — М., 1996. — С. 80.

Оппозиция рациональное/нерациональное, органически встроенная в логоцентризм, служит матрицей для выстраивания всех мыслей в духе бинарной системы. Речь идет о представлении всего многообразия, всех различий мира в форме парных категорий, резко, до диаметральной противопоставленных друг другу. Аполлон – Дионис, миф – история, знание – вера, мир идей – мир вещей, варварство – цивилизация, общество – природа, дух – материя, норма – девиация, публичное – частное и т.д. Или готика, барокко, романтизм, модернизм, с одной стороны, и античность, возрождение, классицизм, реализм – с другой.

Впрочем, постмодернизм критикует не столько парность-бинарность, сколько ее мировоззренческие и другие социальные импликации. Предметно-содержательная оппозиционность парных категорий в каждом конкретном случае своя, разная, но ее структурная определенность во всех случаях одна – центр-периферийная. Здесь всегда есть центр и периферия, под которой традиционно понимается нечто второстепенное, обочинное, маргинальное. Одна сторона бинарной оппозиции выдвигается в центр, подавляя, ущемляя, унижая, маргинализируя свою противоположность, т.е. другую сторону оппозиции.

Бинарная, центр-периферийная оппозиция превращается, по сути, в оппозицию властную, силовую. Логика становится политикой. Диалог аргументов вырождается в монолог господства и подчинения, в разновидность ангажированно-властных отношений. Бинарная логика, оказывается, обосновывает властную вертикаль политики. Но есть здесь и обратная связь, встречная или ответная зависимость: логика оппозиционно-бинарна, потому что политика властно-вертикальна. Устанавливается даже нечто вроде симбиоза: логика льет воду на мельницу политики и, наоборот, политика закрепляет бинарно-силовой характер логики.

Постмодернистской борьбе с логоцентризмом и бинаризмом как раз и служит метод деконструкции, который выявляет, утверждает и поощряет различия, направляя свою критическую энергию против всего того, что их нивелирует, подрывает, разрушает. Что не дает высказаться другому, что, игнорируя кризис репрезентации, норовит говорить за других, вместо других, от имени других. Деконструктивистское (деконструкционистское) знание есть знание мобилизующее, инициативное и активное, т. е. направленное на выявление и конструктивное (как творческий хаос) использования той неопределенности, которая есть во всех наших – теоретических и практических – конструкциях. Онтологическая истина эпохи Модерна состояла в освоении объекта как какого-то единства, в установлении меры его определенности или организованности. «Забота об истине» в эпоху Постмодерна совершенно иная, она направлена на выявле-

ние меры субъект-объектной неопределенности (пустотности, множественной рассредоточенности). Наверно, это все та же истина, только «с другой стороны». Порядок, согласованность, единство в перспективе деконструкции оказываются лишь внешней оболочкой, скрывающей под собой бурлящий поток дифференциаций и различий. Деконструкция в этом смысле реверсивна конструкции.

Уточним сам термин «деконструкция». Он неоднозначен. Многие никак не могут избавиться от негативности его фонологической ассоциации с деструкцией. Отсюда всего один шаг до объявления Ж. Деррида — автора программы деконструкции, терминатором философского и вообще любого другого дискурса. Такая квалификация деконструкции не просто неточна — она неверна по существу. Деконструкция не разрушает в прямом смысле конструкцию, то, что выстраивается, она просто обращает наше внимание на то, что остается незамеченным или упущенным в процессе и, особенно, результате конструирования. И еще одно в связи с этим замечание. Деконструкция идет со знаком «ко-» (лат. *co(n)* — с, вместе) там, где действительно есть конструкция — устойчивые и подтвердившие свою эффективность структуры или институты. В обществе же, где социальные институты и так на ладан дышат, деконструкция выдвигает на первый план свое «де-» (лат. *de* — отмена, движение вниз). Иначе говоря, деконструкция и конструкция не разведены по разным углам бытия, они работают с одним и тем же положением вещей, делая его в конечном счете более динамичным, мягким и жизненным. Более точное название для данной ситуации — деконструкционистское конструирование.

Важно заметить также, что, как показывает история идей, деконструкция — постструктуралистский инструмент познания. Принадлежит эпохе Модерна, оставаясь, по сути, в фарватере его мыслительных процессов, структурализм отвлекался от контекста (среды, окружения) в пользу текста (конкретного предмета исследования). Контекст, как полагалось, лишал четкости и определенности концептуальное видение структуры, ее элементов и, особенно, отношений. Постструктурализм, а значит, и деконструкция поступают прямо противоположным образом — намеренно погружают текст в контекст, расширяя тем самым поле исследования (и действия, конечно), насыщая, обогащая его новыми связями и зависимостями. Любые границы, с этой точки зрения, временны и условны, они постоянно преодолеваются и расширяются. Предел полагается самим субъектом, внутренним потенциалом его мысли и действия.

Деконструкция есть также опыт экспериментирования с возможностями, с возможным. В своем эссе «Et Cetera» Ж. Деррида высказался на сей счет так: «Каждый раз, когда я говорю “деконструкция и X” (безотноси-

тельно к тому, концепт это или тема) — это прелюдия к очень сингулярному делению, которое превращает этот X ... в невозможность, становящуюся его собственной (proper) и единственной возможностью, с тем результатом, что между X как возможностью и “тем же самым” X как невозможностью нет ничего, кроме отношения аномии, отношения, которому мы должны дать объяснение (an account) ... дар, гостеприимство, сама смерть (и следовательно много других вещей) могут быть возможными только как невозможные, как не-возможное, то есть безусловно (as the impossible, that is, unconditionally)¹⁴. Надо полагать, возможность в данной ситуации не просто выбирается, а буквально — и утопически — встраивается как некая невозможность, поддерживаемая лишь конструктивистски-проективными усилиями человека. Безусловная возможность — именно потому, что она не «оснащена» условиями — невозможна, но поскольку она все-таки реализуема, реализуется, то, значит, она — возможная невозможность.

Поскольку деконструкция имеет дело прежде всего со значениями или смыслами, то и конструирование на ее основе направлено главным образом на смысловое оформление соответствующих продуктов. Отсюда особая, прямо-таки гиперреальная роль оформления, дизайна, вообще упаковки — она должна быть эстетически привлекательной, радовать глаз, создавать отличное настроение. Нередко это делается в ущерб предметному содержанию оформляемого: главное, чтобы выделялось, притягивало, манило, отвлекая внимание от того, что там внутри, под крышкой, в упаковке. Особая роль оформления, оформительства вытекает здесь из того факта, что, согласно постмодернизму — по крайней мере в лице Ж. Делеза, все смыслы располагаются на поверхности, в некоем безглубинном протяжении. «История, — пишет французский философ, — учит нас: у торных путей нет фундамента; и география показывает: только тонкий слой земли плодороден»¹⁵.

Свободно-творческий потенциал деконструкции особенно выразителен в конструировании персональной идентичности. В домодерные времена персональная идентичность задавалась социализацией и не была по сути индивидуальной проблемой. В эпоху Модерна здесь появляется уже возможность индивидуального выбора — ролей, ситуационного поведения, путей и средств социальной мобильности. В условиях Постмодерна радикально меняется онтологический статус идентичности, из структуры она превращается в процесс — идентификацию; индивид не просто выбирает роли, а свободно и увлекательно, в форме игры, моделирует и комбинирует их. То же самое делает он и со стилем жизни, орга-

¹⁴ Цит по: *Deconstructions: A User's Guide* / ed. By Nicholas Royle. — London: Palgrave, 2000, p. 300.

¹⁵ Делез Ж. Логика смысла. — М., 1995. — С. 24.

нично включая в его конструирование те продукты, которые в избытке поставляет современное, на рынок развернутое общественное производство — материальное и духовное. В режиме постоянного управления, развернутого опять же на поверхность, т.е. на жизнестилевые эффекты все более дифференцирующегося потребления.

Деконструкция, таким образом, множит различия, фрагменты, сегменты, делая более податливой, мягкой и гибкой среду (она теперь рассредоточенная и не столь жестко связанная), в которой их приходится по свободно выбранному основанию собирать. Данным основанием может стать любое из имеющихся различий, помещенное в квазицентр деконструктивистского конструирования. Характеристика в виде «квази-» здесь принципиальна, так как центр получается всегда произвольным и функционально-временным, он легко и без потерь заменяется другим — в общем-то таким же преходящим центром. От этого конструкция в целом, ее интерьеры и экстерьеры становятся открытыми для дальнейших преобразований, уточнений и изменений. «Отлитого в граните» конечного результата здесь не получается. Деконструктивистское конструирование — это бесконечный процесс, постоянное обновление — все дальше и лучше. Приходится творчески разрушать только что сделанное. Ориентируясь не на физическое, а на моральное его устаревание — как никогда стремительное и резкое. Но люди, похоже, не печалятся, они легко расстаются с тем, что постоянно перетекает в прошлое.

Подведем итог нашим рассуждениям относительно деконструктивистского конструкционизма. Различия, которые призвана умножать деконструкция, повышают, и значительно, комбинаторную силу конструкционизма. Появляется больше возможностей для свободного движения в пространстве между (различиями), конструирование становится все более динамичным. Далее. То обстоятельство, что деконструкция подходит к объекту со стороны его неопределенности, является хорошей основой для развития альтернативного конструирования. Наконец, поскольку Постмодерн в лице постмодернизма, как уже отмечалось, антифундаментален и антитрансцендентен, а это значит — сконцентрирован в своей реальности на поверхности, то материал для конструирования более подручен, актуален и доступен. Укрепляемый деконструкцией процессуально-функциональный статус различий (важно ни что они значат, а как, коммуницируя с другими различиями, работают) весьма податлив или пластичен для экспериментирования в форме конструирования. Ориентируясь на деконструкцию, нужно говорить не о всеохватывающем, тотально завершенном, надежно фундированном, а всегда фрагментарном, локальном, ситуационном конструировании.

Умножая различия, расщепляя реальность на сегменты и фрагменты, деконструкция создает условия для повышения веса и значения комбинирования и рекомбинирования в общем процессе конструирования. Тем самым, как полагают некоторые авторы, падает его инновационная производительность. Так, уже упоминавшийся нами А.Г. Дугин считает, что на этой основе возможно только посттворчество, новшества, а не новации¹⁶. Что, на наш взгляд, спорно. Деконструкция имеет дело не только с уже известным, производя соответствующие различия, но и с неизвестным, открывая, вводя в оборот совершенно неожиданные, эмерджентные, как их еще называют, различения и различия. Новое возникает и из умелой (ре)комбинации «старых» элементов, что уж говорить об элементах действительно новых. В общем, будет правильным сказать, что с деконструкции — а это одна из самых убедительных репрезентаций Постмодерна — инновации только и начинаются.

Итак, симуляция и деконструкция — два важнейших измерения постмодерного конструкционизма. Союз «и» можно спокойно заменить здесь на дефис: деконструкционно-симулятивный конструкционизм. В самом деле, симуляция имеет дело с копиями — чистыми различиями, не нуждающимися ни в какой субстанциальной подкладке. С учетом постмодерного перфекционизма различия между серийно множасьимися копиями неотличимы от различия между копией и оригиналом. Содержательно все то же самое — различимость или выделенность только экзистенциальная. Продуцирует, умножает различия и деконструкция, не все они — копии, но копии здесь точно есть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М., 2000.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. — Минск, 1996.
3. Делез Ж. Логика смысла. — М., 1995.
4. Делез Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. — Томск, 1998.
5. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. — М., 2009.
6. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. — М., 1996.
7. Best S. & Kellner D. *Postmodern Theory: Critical Interrogations*. — N.Y.: The Guilford Press, 1991.
8. *Deconstructions: A User's Guide* / ed. By Nicholas Royle. — London: Palgrave, 2000.
9. *Founders of Constructive Postmodern Philosophy: Peirce, James, Bergson, Whitehead, and Hartshorne* / by David Ray Griffin et. al. N.Y.: State University of New York, 1993.
10. Zhihe Wang. *Constructive Postmodernism Studies in China* // http://www.postmodernchina.org/cgi/show_item_article_content.php?item=forum&item_article_id=1&item_article_content_id=3 (02/03/2013).

¹⁶ См.: Дугин А.Г. Указ. соч. — С. 93-94.